

Ю.И. Венелин

Историко-критические изыскания.

Т. 1. Древние и нынешние Болгаре.

УДК 304
ББК 60.5
Ю11

Ю11 **Ю.И. Венелин**
Историко-критические изыскания.: Т. 1. Древние и нынешние Болгаре. / Ю.И. Венелин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 286 с.

ISBN 978-5-4241-4861-3

Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам.
Изд. 2-е.

ISBN 978-5-4241-4861-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

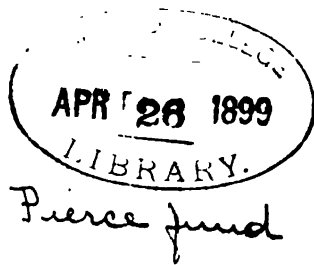
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Slax 9100.10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Марта 5-го дня, 1856 года.

Ценсоръ И. Безсомыкинъ.

Печатано съ изданія 1829 съ перелѣтками.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,
МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,
СЕНАТОРУ,

ЧЛЕНУ СОВѢТА О ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ЧЛЕНУ
ГЛАВНАГО СОВѢТА ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ЧЛЕНУ
МѢСТНЫХЪ СОВѢТОВЪ ПРИ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ОБЩЕСТВѢ БЛА-
ГОРОДНЫХЪ ДѢВУЦЪ И С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АЛЕКСАНДРОВ-
СКОМЪ УЧИЛИЩѢ, ЧЛЕНУ СОВѢТА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧИЛИЩА
ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ И ПАВЛОВСКАГО ИНСТИТУТА, ДѢЙ-
СТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮ-
БИВАГО ОБЩЕСТВА, ПРЕДСѢДАТЕЛЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ,

ОРДИНАРНОМУ АКАДЕМИКУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

АВРААМУ СЕРГІЕВИЧУ

НОРОВУ,

въ знакъ глубочайшаго почтенія

посвящаетъ

Иванъ Молнаръ.

Выходить въ свѣтъ второе изданіе сочиненія , конечно извѣстнаго всякому , кто принимаетъ къ сердцу вопросы славянской науки.

Еще девятнадцатилѣтнимъ юношей, Юрій Ивановичъ Венелинъ упражнялъ себя въ исторической критикѣ, работая усердно въ библиотекѣ Львовскаго Университета и въ кучѣ выписокъ и замѣчаній, порожденныхъ изученіемъ источниковъ, останавливая свое чуткое вниманіе на тѣхъ сторонахъ, которыя казались темными, на тѣхъ выводахъ, которые для ученыхъ были спорными. Талантъ, начивавшій сознать свои силы, искалъ дороги новой, другими еще непроложенной, хотя бы трудной; жизнедѣятельность, закипавшая внутри, стремилась въ неравгаданную даль; будущій ученый, имѣвшій указать пути многимъ другимъ, прежде всего самъ долженъ былъ обречь себя на судьбу странника. Обходя Венгрію, съ студенческой котомкой за плечами, юноша собиралъ свѣдѣнія у профессоровъ этого малаго міра Европы, соединявшаго въ своемъ просвѣщеніи отголоски столь многихъ разноплеменныхъ народовъ. Была мысль сѣсть на корабль въ Триестъ, хотѣлось видѣть Гре-

цію, объѣхать Архипелагъ: по обстоятельствамъ 1821 года отвлекли его отъ одной классической страны, чтобы сберечь для другой, для той, которую самъ называлъ онъ классическою страню Славянства и для которой совершилъ впоследствии подвигъ, не столь нужный Греціи. Невольно повинувшись призыванію судьбы, въ 1823 году двинулся Венелинъ, черезъ родныя вершины Карпатъ, на Черновцы, и, спустя нѣсколько дней, странника принялъ и радушно обласкалъ у себя Генералъ-Губернаторъ И. Н. Инзовъ, незадолго передъ тѣмъ встрѣтившій такимъ же привѣтомъ знаменитаго поэта русскаго. Довольный скромнымъ мѣстомъ, поспѣшно застѣлъ молодой ученый за свои любимыя разысканія: доселѣ сохранилась кипа бумагъ, составленныхъ имъ въ Кишиневѣ. Это большею частію выписки изъ греческихъ и римскихъ писателей, преимущественно средневѣковыхъ лѣтописцевъ, сличенія, переводы, замѣчанія. Дороговизна книгъ заставляла выписывать огромныя тирады, дороговизна бумаги — пользоваться самою плохою. Но уже здѣсь можемъ замѣтить, что главныя пункты, привлекавшіе вниманіе, были тѣ же самыя, которые затрогивались ученымъ прежде, а впоследствии поглотили всю его жизнедѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Никитичъ Инзовъ оставилъ по себѣ глубокое и благодарное воспоминаніе, какъ Попечитель поселенцевъ южнаго края Россіи; очень много Болгаръ жило въ Кишиневѣ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ, задавалъ себѣ вопросы объ ихъ исторіи: такъ постепенно готовилось и опредѣлялось будущее великое дѣло.

VII

Лѣтомъ 1825 года началось новое странствованіе, во внутренность, къ сердцу Руси, гдѣ ожидалъ найти свое окончательное совершеніе слагавшійся умъ и характеръ Карпатскаго Славянина. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу: но онъ несъ для Московскаго Университета запасъ свѣдѣній, какимъ не всегда могутъ похвалиться питомцы, запасъ энергій, который не всѣми одинаково бережется за стѣнами аудиторій. Венелинъ не растратилъ, а приумножилъ. Можно сказать навѣрное, что накопленная прежде сумма историческихъ, существенныхъ и вспомогательныхъ, знаній, не заставляла его особенно нуждаться въ лекціяхъ исторіи: для нихъ подъ рукою была бібліотека, былъ досугъ отъ официальныхъ занятій. Потому, нѣтъ ничего страннаго, если мы встрѣчаемъ Венелина на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ ревностно расширялъ онъ свѣдѣнія, заготовленныя въ Сегедьнѣ. Даже какъ будто переродился онъ: «я посвятилъ себя, говоритъ онъ, наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ Исторія и Метафизика, — наукамъ, кои привлекли все мое вниманіе и сдѣлались исключительнымъ предметомъ моихъ занятій.» Такъ думалъ онъ нѣкоторое время, такъ хотѣлъ убѣдить себя. Но науки, которымъ такъ горячо отдался онъ, нашли свое примѣненіе не со стороны врачебной, а съ той общей, хотя не менѣе существенной стороны, во сколько естествознаніе необходимо и плодотворно для исторіи. Онъ-то подарили намъ тѣ прекрасныя страницы его сочиненій, на которыхъ столь рѣзко выдаются топографическія замѣчанія, при вопросахъ геологіи, физики, даже ботаники. Между

VIII

тѣмъ , студентъ медицинскаго факультета писалъ въ журналахъ разборы сочиненій , обличавшіе его обширныя познанія въ топографіи и исторіи южнаго Славянства , особенно Болгаріи , равно какъ Валахіи и Молдавіи. Выдержавъ окончательное испытаніе на званіе лѣкаря , онъ явился на поприщѣ литературы славянскимъ историкомъ , археологомъ , географомъ и этнографомъ ; вмѣстѣ съ окончаніемъ медицинскаго курса , онъ окончилъ печатаніе и перваго тома своихъ изслѣдованій: «Древнѣе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ , народописномъ , историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-критическія изысканія Юрія Венелина. Томъ I. Москва, въ Универс. Типогр., 1829.»

Обстоятельства изданія мы узнаемъ изъ предисловія , присоединеннаго тогда же сочинителемъ. Въ разговорахъ съ нѣкоторыми московскими учеными, Венелинъ касался иногда тѣхъ историческихъ замѣчаній , которыя хранились у него въ кучѣ выписокъ , по разнымъ спорнымъ вопросамъ славянской исторіи , и которыя самъ онъ называлъ *Архивомъ* , вовсе не имѣя въ виду когда либо напечатать ихъ. Между тѣмъ , М. П. Погодинъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе и лѣтомъ 1828 года убѣдилъ ученаго составить нѣчто цѣлое. Постоянно имѣя въ виду древнѣйшую исторію Руси , равно какъ прочихъ племенъ славянскихъ , но развлекаясь прежде многими частными вопросами, Венелинъ въ новомъ дѣлѣ , требовавшемъ порядка , естественнымъ образомъ остановился прежде всего на Болгарахъ , предварившихъ другія одноплемен-

IX

ныя отрасли своимъ появленіемъ на поприщѣ исторіи, и особенно письменности. Мы знаемъ, что давно уже собиралъ онъ относящіеся сюда свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, не легко было справиться съ планомъ и связью, при такой новости дѣла и при такомъ ревностномъ стремленіи рѣшать вопросы самые запутанные и темные. «Я зашелъ, говорилъ сочинитель, въ лѣсъ мнѣній и противорѣчій; увидѣлъ на каждомъ шагу затрудненіе. Теряясь въ многосложности труда и не довѣряя собственнымъ силамъ, я унывалъ и опять отказался отъ довершенія начатаго мною. Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось, если бы тотъ же Г-нъ N. N. не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя и издержки его на свой счетъ.» Въ такомъ видѣ и при такихъ обстоятельствахъ издавъ былъ томъ сочиненія, первый въ ряду предполагавшихся четырехъ или пяти. Не трудно, кажется, уразумѣть его настоящее значеніе, прочитавши хотя одно только предисловіе. Мы въ правѣ предположить (и даже не въ правѣ предполагать ничего другаго), что здѣсь много учености, судя по огромной начитанности сочинителя; много остроумія, судя по его неоспоримой даровитой природѣ; счастливо и удачно разрѣшены многія частности дѣла: но, конечно, много увлеченія, естественнаго на окольныхъ дорогахъ и мелкихъ тропинкахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ недостатокъ общаго и полнаго историческаго воззрѣнія, равно какъ нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ началѣ столь трудной работы. Довольно уже этой драгоценной откровенности автора, которая искупаетъ

и даетъ средства исправить или упорядочить всякую ошибку, всякое увлеченіе. Онъ самъ въ предисловіи разсказалъ намъ ходъ труда, признался въ своихъ затрудненіяхъ и замѣшательствахъ, откровенно обозначилъ недостатки, неровность слога, отсутствіе строгаго порядка, частыя повторенія. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ, я самъ уже началъ рецензію моего сочиненія, указавъ на нѣкоторыя слабыя его стороны.» Издавая первый томъ, онъ прибавлялъ, что накопилось уже много другихъ, новыхъ замѣчаній; отпечатавъ, вскорѣ переиелъ его съ бѣлыми листами, чтобы вносить новое, дополнять, исправлять; черезъ нѣсколько времени былъ уже недоволенъ изданнымъ, близкимъ людямъ выражалъ желаніе во многомъ сдѣлать поправки, а черезъ нѣсколько лѣтъ даже печатно объявлялъ о томъ. Вотъ, на примѣръ, его отзывъ о той статьѣ перваго тома, въ которой доказывалъ онъ русизмъ Аттилы, отзывъ, напечатанный спустя шесть лѣтъ: «я признаюсь, что эта статья одна изъ самыхъ слабыхъ въ моей книгѣ. . . Замѣчу еще, что въ I томѣ моихъ изысканій *очень многое* не вполне развито и что можно сказать еще *очень многое* въ оправданіе и объясненіе всего этого (О хар. нар. пѣс. у Слав. Задун., стр. 17—19).» Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ человѣку даровитому слѣдуетъ иногда подражать бездарнымъ, то есть говорить свысока, заданнымъ рѣзкимъ тономъ въ общихъ фразахъ прикрывать прорѣхи своего дѣла, тѣмъ самымъ не впуская сюда умничать (хотя бы загородилась дорога истинно-умнымъ), и, главное, скромно помалчивая о своихъ недостаткахъ, вы-

XI

пускать за собою стаю хвалебщиковъ , всегда готовыхъ дивиться вершинѣ, на которую имъ самимъ влѣзть не подъ силу. Это оправдалось въ дѣйствительности.

Появление книги встрѣчено было такимъ разнообразіемъ мнѣній, что было бы трудно, да и нѣтъ большой нужды, перечислять ихъ. Довольно замѣтить, что болѣе основательныя сужденія высказаны были: въ Литературной Газетѣ О. І. Бичуринымъ; въ Вѣстникѣ Европы Каченовскимъ; въ Атенѣ Кубаревымъ; въ Московскомъ Вѣстникѣ М. П. Погодинымъ. Это была единственная книга, извѣстіе о которой, послѣ Ориктогнозиса Фишера, сообщалось въ «Leipziger allgemeine Bücher-Kunde.» Оказалось даже нѣсколько пристрастныхъ приверженцевъ, на долго задивившихся «глубокомысленнымъ твореніемъ» Венелина; съ береговъ Днѣпра раздался голосъ, сравнившій автора съ Колумбомъ. Среди возгласовъ, доказавшихъ, что книга прочтена была охотно, хотя не совсѣмъ внимательно и не съ должной ученой оцѣнкой, послышалось въ тоже время много голосовъ недовольныхъ, возставшихъ противъ яркости или рѣзкости мнѣній; наконецъ нашлось даже нѣсколько горячихъ головъ и чувствительныхъ, благородныхъ сердецъ, старавшихся, въ доказательство терпимости мнѣній и оцѣнки личнаго увлеченія, распространить слухи о помѣшательствѣ автора: дальнѣйшее поведеніе ихъ спасено было тѣмъ, что обстоятельства наши не позволяли повторить исторіи Галилея. Какъ бы то ни было, нужно только жалѣть, что самъ Венелинъ не могъ въ достаточной мѣрѣ воспользо-